

Человек, который улыбался

Восемьдесят лет. — 2001. — 12. — 18 апреля. — с. 10
 К восьмидесятилетию со дня рождения Леонида Лиходеева

В. КАРДИН

Сколько надо пережить и передумать, чтобы от залихватских стихотворных репортажей («Покорение пустыни», «Своими глазами» и т.д.) прийти к монументальному роману о судьбе страны, отразившейся в судьбе четырех поколений одной семьи! Жизненным и литературным опытом все не объяснишь. Напоминания о таланте вряд ли достаточно. (Талант присутствовал и в стихах.) Тут еще особый душевный склад, особое умонастроение, которое не имеет своего названия, однако диктует каждую строку, сообщая ей вес, не поддающийся измерению, но явственно осязаемый. («Слово тяжелеет», сказано одним из поэтов — сверстников Леонида Лиходеева.)

Сам же Лиходеев, испытывая потребность произвести свое слово, не страдал творческой суетливостью и с жанром мог расстаться не менее бестрепетно, чем отдавал ему дань. После снятого по его сценарию фильма не возвращался к кинематографу. Поставленная в начале 60-х пьеса не приобщила к драматургии.

Он не потерпел поражений, но не довольствовался чем-то средним и с легкой улыбкой написал рассказик «Как я был поэтом». Точнее бы: «Как я перестал быть поэтом». Облегчение испытал не от того, что перестал, а от возможности сказать об этом с той интонацией, с какой говорил в дружеском кругу или обращался к «дорогому читателю» своих фельетонов.

В фельетоне Лиходеев обрел себя, средство максимального самовыражения. Но и фельетон, благодаря ему, обрел достойную жизнь. Вопреки установке (бытовало такое словечко) сатира возвращала свои исконные права на осмысление сущего. Не в накладе был и автор, ведя иронично-доверительное повествование, уместное и для та-

кого, скажем, романа, как «Я и мой автомобиль», для чудесной детской книжки «Звезда с неба». Для разговора о высоких материях и низких истинах.

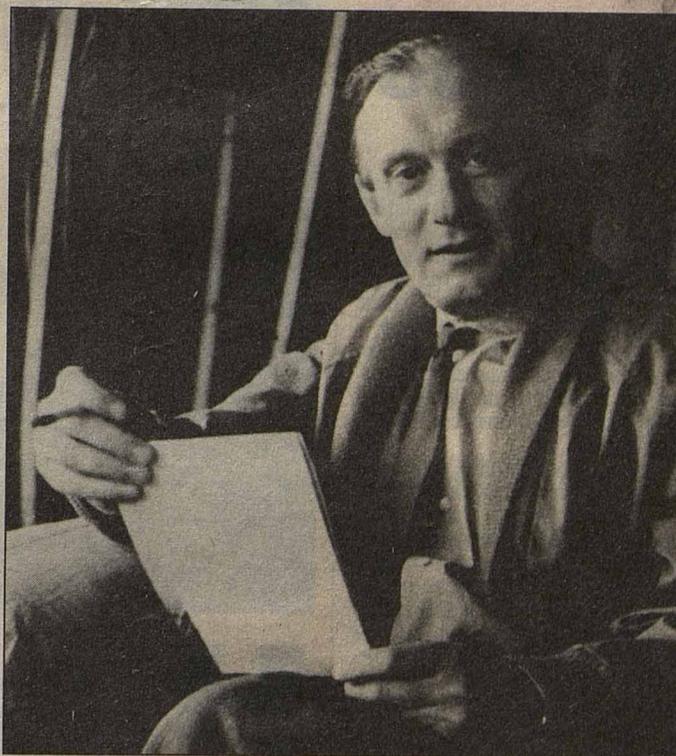
Лиходеев повел речь о том, о чем не принято было, и так, как он считал нужным. Уже первые его фельетоны были замечены не только читателями. Автор попал в герою разносторонней статьи «Крокодила» — журнала, что стоял на страже советской сатиры. Но советская сатира — оксиморон (сочетание взаимоисключающих понятий). Она не смела обличать пороки системы, номенклатурный типаж. Зато власть изгалялась над отрицательными персонажами в радиусе от дворника до домоуправа.

Лиходеева персонажи вообще не занимали. Улыбка, сопровождавшая его монолог, могла относиться и к самому себе.

«Я не хотел бы, чтобы меня поняли так, будто я расхрабился критиковать уходящее явление. Во-первых, я не расхрабился, а во-вторых, никакое явление не вырастает на пустом месте и не исчезает бесследно. Уходящие или ушедшие явления тревожат нас лишь потому, что переключаются с нашими насущными задачами. Когда человечество решит вопрос «Быть или не быть» — оно, возможно, забудет Шекспира. Вся надежда на то, что никогда не решит...»

Нежелание выглядеть «расхрабренным» сочеталось с желанием постичь явление. Легкие ответы его не манили, а серьезные, помимо всего прочего, нуждались в знаниях, какие не мог иметь студент, со второго курса ушедший в сражающуюся армию. Не мог, так теперь добудет. Он углубился в экономику и был потрясен мимолетными открытиями. Днепрогэс, например, возводили без сметы! Про Днепрогэс он не раз повторял, читая вслух написанные днем страницы «Гвоздя в сапоге» — книги о несообразностях советской экономики.

Мы жили в Переделкинском доме творчества. Лена под вечер приходил ко мне и знакомил с оче-

Лев ШЕРСТЕННИКОВ

редной порцией «морально-экономических» записок. Его не волновал вопрос: быть или не быть книге изданной, насколько она «проходима» (это словечко тоже бытовало), он не писал заведомо «в ящик». Тихо улыбаясь, утром подвигал к себе стопку бумаги.

Выпустить «Гвоздь в сапоге» не удалось. Отрывки, отдельные мысли войдут в другие книги. Название попадет на обложку посмертного сборника фельетонов.

Однако и «в ящике» оставалось предостаточно добра. По сей день не издана целиком сатирическая повесть о Средневозвышенске.

Будучи вечным тружеником, он придерживался своих рабочих правил и не допускал малейшей размагничности. На столе у каждой вещи свое место. Подобно каждому слову во фразе. Черновые наброски не признавались. Мастер

ничего не делает дважды. Он создал себя мастером в самом обыденном смысле. Все делал на совесть. Будь то ремонт табурета, сотворение шей, починка «москвича». Это про таких говорят: золотые руки.

Работа выносила на обсуждение. Ши надлежало не только съесть, но и оценить. Как и отрывок, прочитанный автором, который смиренно выслушивал любые мнения, вплоть до самых нелепых.

Иной раз мне было не по себе. Зачем он яхается черт-те с кем? Неужели не видит? Видит. Знает красную цену, но ему — хитроумная улыбка — интересно.

Умеющий называть вещи своими именами («Угодничество и приспособленчество, кроличье очарование и добровольная пугливость — есть символы веры и материальная основа благополучного

жизня-бытья»), в повседневном обиходе он исповедовал снисходительность и терпимость. Семейное застолье любил больше литературных баталий. Радушно улыбаясь, рассказывал что-нибудь назидательное, не причастное к изяшной словесности. Но она властно диктовала стиль поведения. В противостоянии писатель — власть его не манила роль заведомого обличителя. Она способна была подтолкнуть к априорности, какую и без того провоцировал режим своей вечной предвзятостью. Но такой заколдованный круг помешал бы делу жизни.

Лиходеев отправлялся в Переделкинский дом творчества, славившийся своим соглядаиством и постоянными «стукачами».

Лиходеев не делал тайны из «Старухи». Встречных-поперечных усаживал на скамейку и читал. Его не беспокоили соглядатаи, но интересовали мнения. Не обязательно единомышленников — многие из них пребывали в уверенности: им доподлинно все известно и занимать историей советской власти — чистойшей блажь. Смирно улыбаясь, Лиходеев выслушивал авторитетные суждения и возвращался к столу.

Он будет отрываться ради колонки в перестроечных «Московских новостях». И продолжат роман. Полное название романа — «Семейный календарь, или Жизнь с конца до начала». Жизнь не только людей, страны, но и идеи, претендовавшей на спасение человечества и обернувшейся Трагической Утопией.

Сатирик сводил к минимуму свой сатирический запал, добываясь фактической и психологической достоверности. Выступал свидетелем, но и невольным соучастником (о соучастии забыли многие нынешние витии).

Герои «Старухи» создают машину для их же уничтожения. Но они не из экспериментаторов, какие ставят опыты на себе. Да и ученые претендовало на глобальные результаты. Машина схарчит мно-

гих из тех, кого они собирались облагодетельствовать.

Чем он больше жил — романом или новыми днями? Загадочно улыбаясь, проверял у меня какие-то армейские и военные подробности, благо я, порядком прослужив в армии, кончив Академию, мог ему в этом иногда согдиться. Удачно выдуманной детали предпочитал подлинную.

В ответ на вечно повторяемое: «Жаль, что это не увидит свет» — сдержанно улыбался и продолжал вдохновенный каторжный труд.

Не знаю другого романа, с подобной основательностью охватывающего почти вековую историю. Не теряю надежды — он будет прочитан и оценен. Не век же длиться виртуальной вакханалии с заштатным гэбэшником, мало чему научившимся на горьком опыте страны, запоздало открываемой им с высоты вертолета либо со скоростью горнолыжного спуска...

Лиходеев закончил роман в эпоху гласности и, подарив мне первую его книгу, написал: «Дорогой мой друг! Помнишь стишок? Не думали, братцы, мы с вами вчера, что нынче воскликнем «Ура!»

Следом второй том. Третий ему не суждено было поддержать в руках. Он увидит свет семью годами позже, благодаря усилиям вдовы.

...Лена до конца оставалась верен себе. Мне внятна его безоговорочная поддержка гайдаровских реформ и недовольство моей сдержанностью на этот счет. Безнадежно больной, он не хотел верить, будто и они выйдут нам боком. Предпочитал надеяться на лучшую долю для остающихся в живых.

Эта надежда сопровождала нас с сорок первого года. Тем летом, заметив на обочине брошенную полуторку, Лиходеев, не державший прежде баранку, залез в кабину. Переключил один рычаг, другой. Нажал на педаль. И поехал. «Не быстрее, чем ездил Пушкин». В кузов набились раненные...

Это его далекое воспоминание отзывалось печальной улыбкой, сменявшейся, однако, горделивой.